

1

[Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче](#) одна из наиболее любимых у грамотного простонародья; она рас-прос-тра-не-на во многих ру-ко-пис-ных сборниках (XVII и XVIII столетий), в лубочных листках и кар-ти-нах и в серых изданиях вроде «[Лекарство от задумчивости и бессонницы](#)» (Москва, 1819) и «Собрания старинных русских сказок» (Москва, 1830).

2

При изучении устной народной словесности нельзя не обратить на нее внимания, потому что, несмотря на встречающиеся в ней чуждые нам имена (Еруслан, царь Картаус, вещий конь Араш) и на очевидное влияние на ее состав приемов письменной литературы, в сказке об Еруслане есть много прекрасных эпических выражений и тех обычных сказочных мо-ти-вов, какие составляют исконную принадлежность всех индо-ев-ро-пей-ских народов. На эти-то сказочные мотивы и намерены мы указать в нас-то-ящей заметке. Но для этого необходимо изложить самое содержание сказки, что мы и делаем по тексту, напечатанному в «Летописях русской ли-те-ра-ту-ры и древности» (1859, кн. IV, стр. 100—128), пользуясь отчасти и тем списком, который помещен в «Памятниках старинной русской ли-те-ра-ту-ры» (вып. II, стр. 325—339): оба означенные текста взяты из ру-ко-пи-сей XVII века и в несомненной свежести сохранили чистоту народного языка и эпического предания.

3

Был некий царь Картаус (Киркоус), а у него дядя князь Лазарь Лазаревич; у того Лазаря родился сын Еруслан Лазаревич. Как было Еруслану десять лет, стал он ходить на улицу и шутить шутки не гораздо добры: кого возьмет за́ руку — у того руку вырвет, кого за́ ногу — тому ногу выломит. Царь приказал выслать его из царства вон. Еруслан о том не тужит, а тужит об одном, что нет у него коня по мысли: ни один конь его поднять не может. Вот выстроили ему каменную палату у синя моря и выслали из царства. Учал Еруслан гулять по лукоморью и стрелять по тихим заводям гусей-лебедей: как натянет лук да выстрелит — ино как из тучи гром грянет, а по чему стре́лит — того не грешит (не про-мах-нет-ся).

4

Однажды подъехал к нему человек, сошел с своего сивого коня, ударил челом низко и промолвил: «Дай-де бог здравие государю нашему Еруслану Лазаревичу!» — «Ты меня почему знаешь?» — «Как мне не знать тебя! Я, господине, отца твоего старой конюх, гораздой стрелец, сильной борец; стерегу стада уже тридцать лет, а зовут меня Ивашко». Еруслан ему признался: «Тужу-де я, что нет у меня коня по мысли». Ивашко молвил: «Есть, господине, в отцове стаде жеребец третьим летом; ни у кого еще в руках не бывал, а тебе, чаю, по мысли будет». Когда пригнал он стадо на водопой, Еруслан накинул на того жеребца тесмянную узду и дал ему имя вещий Араш; а был жеребец величиной мало не с палатою равен. Сел богатырь на коня, поскакал в чистое поле и

наехал на рать-силу Данила князя Белого, который пришел под цар-ство Кар-та-усо-во и похвалялся все это царство разорить, самого царя и двенадцать богатырей его в полон взять. Еруслан хочет с Данилою в бой вступать; говорит ему отец: «Ты еще молод, ратное дело тебе не за обычай!» — «Государь батюшка! — отвечал сын. — Не учи ты гоголя по воде плавать, не учи нас, богатырей, на ратное дело ездить».

5

Напускался он на своем добром коне на рать-силу Данила Белого и стал побивать ее. Много было воинства вражьего — ни в которую сторону не объехать, ни оком обозреть! Еруслан все порешил, сколько побил, а вдвое того от его зычного голоса наземь попадало и смертью померло; самого Данилу отпустил он на слове, чтобы впредь ему не приходиться больше под государство Картаусово. Совершив такой подвиг, отправляется Еруслан в путь-дорогу; едет он много дней и видит — в чистом поле великая рать побита: кликнул богатырским голосом: «Есть ли в этом побоище жив человек?» Отозвался ему жив человек, и спросил его Еруслан: «Чья это рать побита, и кто побил ее?» — «Это рать Феодула-змея, а побил ее Иван русский богатырь, и не одну эту рать, а много побил он: хочет у змея понять за себя дочь-царевну».

6

Поехал Еруслан искать Ивана русского богатыря; близко ли, далеко ли — стоит в чистом поле шатер с золотою маковкою; у шатра богатырской конь встреножен. Рядом с тем конем Еруслан своего поставил к белоярской пшенице, и вошел в шатер; а там лежит Иван-богатырь и крепко спит. Еруслан лег возле и сам уснул. Пробудился Иван русский богатырь, посмотрел на гостя и ужаснулся; выглянул из шатра — ажно вещей Араш отбил его доброго коня от корму прочь. Емлет Иван острой меч и хочет отсечь Еруслану голову, да помыслил в уме своем: «Не честь убить сонного человека! Сам он приехал в те́ поры, как я спал богатырским сном, и воля ему была убить меня сонного, и он меня не убил, а живот дал». Разбудил он Еруслана, и выехали они силы пробовать. Еруслан ударил Ивана-богатыря тупым концом копья против сердца и свалил его на сырую землю; а вещей Араш наступил ему копытом на ожерелье. Еруслан дал побежденному живот; тут они назвались братьями: Еруслан большим, а Иван младшим.

7

Вся эта прекрасная сцена богатырского великодушия целиком встречается в сказке об [Иване-царевиче и Белом Полянине](#), из которых последний долгие годы сражался с бабой-ягою, желая достигнуть ее прекрасную дочь. Еруслан помогает своему названому брату в войне с Феодулом-змеем, и когда змей в бегство ударился — он поскакал за ним в погоню. У обоих у них были жеребцы быстрые — родные братья, рожденные от тех славных водяных (морских) коней, о которых не раз упоминают народные сказки; словно соколы летели они чистым полем и по озеру скакали поверх воды, словно по́ мосту. Еруслан настиг-таки

Феодула-змея и рассек его, а дочь Феодулову, прекрасную царевну, отдал Ивану русскому богатырю. Лег Иван с своей красавицей опочив держать и стал спрашивать: «Душечка моя, свет красная царевна! Доставал я тебя и добром и лихом, скажи-ка мне правду: есть ли где тебя краше, а брата моего Еруслана удалее?» Отвечала царевна: «Чем я красна и хороша? Есть, господине, в поле — кочуют две царевны, и у тех царевен краше меня девки, что им на руки воду подают; а брата твоего Еруслана есть удалее Ивашко Белая Поляница (вариант: Белая Епанча), индейского царя сторож; стоит он на украине, и мимо его никаков человек не проедет».

8

Услыхал эти речи Еруслан Лазаревич и захотел ехать посмотреть на тех царевен и с Ивашком Белой Поляницей перевестаться; а наперед того вздумалось ему побывать у отца, у матери и ударить им челом. Приезжает в царство Картаусово, а оно совсем пусто, только и нашел одного человека и узнал от него, что третий год тому, как Данило Белой повоевал все царство, царя Картауса, князя Лазаря и двенадцать богатырей в полон взял, выкопал у них очи и посадил в своем городе в крепкую темницу, а достальных людей мечом высек. Еруслан поскакал в государство Данилово, перебил у темницы всю стражу и навестил пленных. Сказал ему князь Лазарь: «Сыне мой! Только хочешь послужить великому царю Картаусу и мне, своему отцу, и двенадцати богатырям, и ты поезжай за тихие воды, за теплое море, к вольному царю Огненному Щиту, Пламенному Копью; убей его и добудь из него желчи». Еруслан отправился искать вольного царя, и наехал на кряковистый дуб добре велик посеред поля, и остановился под ним, не ведая, какой дорогою ехать.

9

Ровно в полдень летит великое стадо птиц-хохотуней, сели кругом дуба и учили изметоваться красными девицами. Еруслан поймал одну девицу. «У вас, — говорит, — крылья; вы летаете по многим землям и царствам; не слышали ли, где живет вольный царь Огненный Щит?» — «Есть такой царь, да никаков человек его видеть не может». — «Не говори того, а лучше поставь меня в его царство; не то не быть тебе живою, и отпуску от меня не жди!» — «Господине Еруслан, зажмурься, и я поставлю тебя куда надобно». Еруслан зажмурился да ступил трижды на своем добром коне — и очутился как раз в чистом поле под государством вольного царя Огненного Щита. На том поле, знать, побоище великое, посреди побоища лежит богатырская голова добре велика.

10

Говорит голова Еруслану: «Есть-де подо мною меч таков, что опричь того меча никакое железо не возьмет вольного царя. И я с тем мечом выехал было против царя Огненного Щита, чаял убить его: а он выехал на осьминогом коне, да, не допусаячи, сжег меня, и я, падая с лошади, кинул свой меч себе под голову. Супротив вольного царя ничем нельзя взять, как только хитростью». Послушался Еруслан головы и решился: где нельзя

одолеть силою, там взять хитростию. Приехал он к вольному царю Огненному Щиту, попросился к нему на службу и вызвался добыть ему из-под головы великана чудодейный меч. Голова сама скатилась и отдала ему меч с таким наказом: «Не секи царя больше одного разу; ударишь в другой — тебе самому не быть живым». Как скоро въехал он на царский двор, царь Огненный Щит, не ожидая измены, бросился к нему навстречу; а Еруслан подпустил его близко, ударил мечом и рассек надвое. Падая наземь, вольный царь молвил: «Секи вдругорядь!» — «Дважды богатыри не секут!» — отвечал Еруслан, вспорол у царя Огненного Щита могучую грудь, вынул желчь (вариант: взял в вошаночку кровь горячую и печень свежую) и положил в сумку. После поехал к голове великана и помазал ее желчью — и тот богатырь стал жив. Тут они поцеловались и отправились каждый в свою сторону. Воротившись к Картаусу, Еруслан помазал ему, отцу своему Лазарю и двенадцати богатырям глаза желчью — и они тотчас прозрели; а Данила Белого за его обман и ложную клятву предал смерти.

11

Этот рассказ в высшей степени интересен и целиком принадлежит мифологии. Вольный царь — Огненный Щит, Пламенное Копье, сожигающий своих противников, а сам ни в огне не горит, ни в воде не тонет, — и есть олицетворение солнца, которому в заговорах придается эпитет привольного и которое у древних поэтов и в мифологических преданиях различных народов изображается под видом щита и колеса. Вуотан, по древним германским сказаниям, имел один глаз (солнце), который назывался и щитом и колесом; одинокий глаз циклопов также уподоблялся щиту. Солнечный луч, равно как и молния, был сближаем метафорически с стрелою и копьем; удар этого копья рассеивает темноту ночи и заволакивающих небо туч. По скифскому преданию, от Солнца родилось три сына-героя: один из них. Щит (Heipoksais), другой Стрела (Arpoksais). (См. «Летописи русск. литературы и древности», кн. I, стр. 134). В одной [народной русской сказке](#) баба-яга, преследуя добрых молодцев, палит огненным щитом на все на четыре стороны. Царь Огненный Щит выезжает на восьминогом коне, подобно скандинавскому Одину, у которого был превосходный конь Слепнир о восьми ногах. Поезды Солнца на чудесных конях и в золотой колеснице известны во всех мифологиях.

12

Далее: царь Огненный Щит живет за́ морем, что совпадает с общераспространенным языческим представлением о погружении солнца в океан, представлением, которое породило поэтический миф о купанье солнца после дневного странствования его в небесных пространствах. Сияние солнца и блеск золота производят то же впечатление желтого цвета, как и желчь, и это послужило основанием их лингвистической и мифической связи. Слова: желтый, желчь, в Остромировом евангелии зльчь, зльчь, чешское zluty — золотой, злато — филологически тождественны; злато в зендском зара филологи сближают со словами заря, зреть и зрак (у нас — око, у сербов — солнечный луч). Все атрибуты древнего божества солнца представлялись золотыми; народная поэзия дает один постоянный эпитет и солнцу и золоту: красное. О связи понятий света

и зрения смотри подробное исследование, помещенное во II кн. Архива г. Калачова (2-я половина). В санскрите агни означало: огонь, божество огня, желчь и золото («Материалы для сравнительн. словаря и грамматики», т. II, стр. 242). Если зрение понималось как свет, а слепота приравнивалась тьме, то и выражение: возратить зрение, избавить от слепоты могли употребляться для обозначения солнца, прогоняющего ночную тьму или выходящего из-за туч; с другой стороны, свет солнца сближался с желчью и назывался ее именем.

13

Очевидно, что и в приведенном сказании об Еруслане под желчью, дающей зрение, надо понимать именно солнечный свет, без которого нельзя ничего видеть, ибо тогда все скрывается во мраке. Из одного источника с этою любопытною баснею возникли и обряды, до сих пор известные в народной медицине: так, во время кори и оспы глаза больного нарочно обводят золотым кольцом (кольцо и колесо одного корня) — с тою целью, чтобы болезнь не повредила зрению; во время же болезни глаз обыкновенным и лучшим лекарством почитается желчь (см. выдержки из старинного лечебника XVII века, советуемые в таком случае употреблять желчь совы, лебедя, козы или коровы — в «Пермск. сборнике», кн. II, стр. XXXIII). Подобный рассказ занесен и в [народную русскую сказку](#)

Иван-царевич едет к Огненному Царю, который на тридцать верст огнем палит; добывает из-под убитого богатыря-великана меч-кладенец, этим мечом поражает Огненного Царя и находит у него живую и мертвую воду, с помощью которой оживляет мертвого великана, точно так, как Еруслан делает это желчью. Самое изображение царя Огненного Щита, Пламенного Копья весьма характерично.

14

Заслуживает внимания и та особенность, что убить его можно только чудодейственным мечом и хитростью и что удар должен быть нанесен один раз; тот же совет не ударять дважды дается и другим сказочным героям, направляющим свои силы против различных мифических лиц: Вихря, бабы-яги и др. (см. « [Федор Тугарин и Анастасия Прекрасная](#) », «

[Три царства — медное, серебряное и золотое](#)

» с вариантами

[1](#)

и

[2](#)

и «

[Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня богатыри](#)

»). От огненного змея чаровник может отделаться, поразив его сонного, но для того должен ударить его со всего размаху один раз; если же ударит его в другой, то змей оживет («Могилевск. губерн. ведомости», 1851, №19).

15

Девы-птицы, с которыми встречается Еруслан на пути к вольному царю, часто упоминаются в сказках у всех индоевропейских народов (см. примечание к сказке « [Морской царь и Василиса Премудрая](#)

» и варианты

[1](#)

,

[2](#)

,

[3](#)

,

[4](#)

,

[5](#)

и

[6](#)

). Впрочем, эпизод этой встречи внесен только в ту редакцию сказки, какая напечатана в «Летописях» г. Тихонравова; в других же списках нигде его не находим.

16

Возвратив царю Картаусу свободу и земли, Еруслан отправился в дальние страны доезжать хваленых царевен. Прибыл к ним в шатер, взял старшую на постель и стал выпрашивать: «Есть ли где вас, царевен, краше, а меня удалее?» Отвечала царевна: «Есть, господине, у индейского царя красная царевна; мы ей обе в ногу не судны. А тебя удалее Ивашко Белая Поляница». Еруслан рассердился, сшиб ей голову и взял к себе меньшую сестру. На сделанный ей вопрос она отвечала: «Есть Ивашко Белая Поляница, индейского царя сторож — тот силен, а ты, господине, удал же; обоих вас бог ведает, кто из вас удалей будет». Еруслан оставил ее живою и поехал в индейское царство; ехал, ехал, и видит — на рубеже того царства спит человек на коне, копьём подперся. Еруслан разбудил его и сказался, кто он таков. «Слышал про тебя, — отвечал Ивашко, — да два богатыря в поле не живут!» Стали силами мериться: Еруслан сбил его с коня и говорит: «Пожалел бы тебя, да за то убью, что тобой девки хвалятся!» И проколол его копьём. Приезжает он в индейское государство, а там беда приключилась: стало выходить из озера чудо (змей) о трех головах и емлет всякой день по человеку: уже дошла очередь до царевны. Еруслан вызвался защитить ее от чуда, а царь обещал отдать ему за то дочь в супружество и с ней половину царства. Повели царевну к озеру, и Еруслан поехал: «Не бойся! — говорит он девице. — Молись богу да смотри на озеро: как учнут волны являться — разбуди меня». А сам уснул крепко. Начали подыматься волны — стало чудо показываться, царевна его будит, и не может никак разбудить, вынула нож и поколола его в стегно. Еруслан проснулся, и началась битва. Чудо дает ему за свою жизнь выкуп великий — камень самоцветный. Еруслан камень взял, а врага убил. Вся эта сцена с теми же подробностями о крепком сне богатыря перед битвою

составляет обыкновенный, часто повторяемый мотив в сказках арийских племен (см. примечание к сказке « [Иван-царевич и Марфа-царевна](#) »). Женился Еруслан на царевне и стал ее спрашивать, есть ли кто ее краше, а его, мо́лдца, удалее? «Чем я, господине, красна и хороша? Есть на море солнечный град, а в том городе царствует царевна (или: в девичье царстве, в солнечном граде есть девица — сама царством владеет), а служащие у нее все девки; и та царевна в семь седмериц краше меня, а я несудна тем девкам, которые у нее служат, красотой и хорошеством. А тебя удалее и сильнее никого нет!» Спал с нею Еруслан единую ночь, а поутру встал, дал ей самоцветный камень и молвил: «Милая красная царевна! Родится у тебя после меня сын, и ты возложи ему самоцветный камень на руку; а родится у тебя дочь, и ты ей из того камня серьги доспей». Сам Еруслан уехал в солнечный град, где царствует девица, краше которой на всем свете нет, и учал с нею жить в любви много лет. Эта царевна солнечного града напоминает собою царь-девицу русских сказок (см. любопытные предания об ней в примечаниях к сказкам «

[Кощей](#)

[Бессмертный](#)

» с вариантами

[1](#)

и

[2](#)

и «

[Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде](#)

» с вариантами).

17

Пока Еруслан наслаждался любовью несказанной красавицы, жена его — индейского царя дочь — родила сына, назвала его Ерусланом Еруслановичем и дала ему на́ руку самоцветный камень. Вырос он, почуял в себе богатырскую мощь и поехал искать отца. Подъезжает к солнечному граду, остановился по конец моста и свистнул богатырским посвистом; в то время отец его исполошился: «Не простой то человек свистнул, а сильномогучий богатырь!» Сел на своего вещего Араша, и вот начинается борьба между отцом и сыном, не узнающими друг друга. Сын ударил отца тупым концом копья, и мало Еруслан Лазаревич с коня не упал — удержался за седельную луку. Съехались богатыри вдругорядь; отец ударил сына тупым концом и сшиб его с коня наземь, а вещий Араш наступил на его ожерелье. Жаль Еруслану убить паробочка, потому что добре́ молод; а юноша в сердцах под Ерусланом рвет у отца копье булатное, и оттого оголилась у него рука. Еруслан Лазаревич усмотрел на его руке самоцветный камень, опознал своего сына и учал спрашивать: «Скажи мне, брате, какой ты человек?» Тут все объяснилось и добром покончилось; Еруслан покинул солнечный град навсегда и вместе с сыном воротился к своей жене. Этот эпизод принадлежит к числу общеизвестных эпических сказаний в литературах как восточных, так и европейских народов. Так, Илья Муромец сражался с своим сыном сокольников (или Збут-Борис-Королевичем); долго они водились, по колена в земле приобмялися; Илья изнемог, и сокольник насел на его белые груди. Молитва спасла старого; с земли метал он противника в высь небесную, сам

на него насел и стал спрашивать о роде, о племени. «Вот как бы я на тебе сидел, то не стал бы спрашивать, а спорил бы тебе, старому, белые груди!» — отвечал побежденный. Наконец Илья узнает сына и отпускает его к матери. Тот же сюжет встречается в песнях кельтских бардов, в готской поэме о Гильдебранде и в персидской поэме о Рустеме и Зорабе, известной у нас по переводу Жуковского; у сербов «Предраг и Ненад» — Серб, песни (см. Песни Киреевского, вып. I, стр. 2—14; Песни Рыбникова, I, стр. 75—85, II, стр. 345—351; Буслаева: Русск. богатырский эпос — в «Русск. вестнике», 1862 г., № IX, стр. 68—69).

18

Текст сказки об Еруслане Лазаревиче, напечатанный в «Летописях», оканчивается так: «И захотел (сын Еруслана) отведали плеча своего богатырского, и захотел прославиться во многие орды своею удачею; а отцом своим жити не похотел. Захотел свою честь получить и славу захотел свою пустить во многие орды». В лубочном издании это простое краткое указание уже распространено. Еруслан Ерусланович, приняв от своих родителей благословение, едет в путь-дорогу, пять лет странствует, и, наконец, встречается ему мал стар человек (напоминающий собою карликов немецких сказок — ein altes schwarzes, graues Mannlein, ein kleines Mannlein): стоит на дороге и не дает проезду. Богатырь хочет раздавить его, а мал стар человек насмехается: «За что ты меня, старого-малого, убить хочешь? С меня нечего снять!» Еще пуще богатырь разгневался, поднял меч-кладенец и кинулся на старого; а тот приклонился и дунул на Еруслана Еруслановича, да таково сильно, что он и на коне не усидел — пал на сырую землю что овсяный сноп! Тогда мал стар человек сжалился над витязем и пропустил его домой.

19

Из приведенных нами указаний и сближений очевидно, что составитель любопытного сказания о Еруслане Лазаревиче воспользовался несколькими отдельными эпизодами, принадлежащими различным эпическим произведениям народной фантазии, и все их соединил вместе, связав с именем одного славного богатыря.